

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ТРЕТИЙ ЦИКЛ?

I. Коренные проблемы нового исторического цикла

II. Какое будущее мы создаем?

III. Россия среди других народов и цивилизаций

ГЛАВА I

КОРЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НОВОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ЦИКЛА

СТАРАЯ ИЛИ НОВАЯ АЛЬТЕРНАТИВА?

Окончание второго глобального модифицированного инверсионного цикла, второго (советского) периода российской истории означало, что некоторая спрессованная в культуре, апробированная прошлым опытом программа воспроизводства (воплощаемая как инерция истории посредством экстраполяции ранее накопленного опыта на будущее) себя полностью исчерпала. Вновь во всей остроте встала проблема выбора между новым повторением этой программы и выходом на принципиально новые альтернативы. В принципе можно говорить о двух типах альтернатив, т. е. старой, существовавшей в рамках циклов двух первых глобальных периодов, и новой, где, может быть, откроется возможность выхода за рамки сложившихся циклов.

В истории нет и не может быть никакой predeterminedности, автоматизма, внешней для человека заданности, железной необходимости, которым люди были бы вынуждены следовать. Экзистенциалисты правы в том, что человек обречен на выбор. Отказ от выбора, например, от попыток реализовать некоторую скрытую культурную мутацию,— это практически выбор в пользу инерции истории. Даже максимально полная реализация инерции истории всегда происходит в той или иной степени в условиях, отличных от прошлого, что всегда делает проблематичными направленность и содержание социокультурной динамики и ставит сложные проблемы перед прогнозированием.

Любая массовая социальная инверсия на обыденном уровне может казаться для сознания, не прошедшего достаточно глубокий путь теоретического осмысления общества, чем-то принципиально новым, выходом к высшей Правде-истине, коренным качественным поворотом, революцией, отметающей ста-

рые Ошибки, заблуждения, преднамеренное злодейство, попытки «отвести глаза», а заодно и всю предшествующую историю. Эта иллюзия может господствовать по крайней мере до тех пор, пока новая Правда-истина сама не окажется сметенной следующим поворотом, новым, а возможно, еще более старым вариантом Правды-истины. Анализ цепи этих поворотов открывает для критики исторического опыта возможность видеть здесь форму стояния на месте и одновременно осознать необходимость осмысления того, что можно рассматривать в качестве больших изменений. Каждый значимый поворот в социокультурной динамике неизбежно ставит вопрос о характере его альтернативности: является ли новое в динамике общества инверсионным повторением старой альтернативы в рамках исторически сложившегося опыта, но в новой одежде, или новой альтернативой, преодолевающей этот опыт.

События конца второго инверсионного цикла (советского периода) ставят вопрос о характере дальнейшей социокультурной динамики, о том, в какой степени можно в этих событиях видеть повторение сложившегося цикла и в какой — выход за его рамки. От решения этой проблемы зависит отношение общества к самому себе, к собственной программе воспроизводства, к условиям своей жизни, к средствам и к самим целям деятельности на всех ее уровнях от повседневности до воспроизводства большого общества.

Анализ имевших место событий, масервой деятельности позволяет выдвинуть гипотезу, что общество, пережившее, как многие полагали, «революцию», вступило в новый период, в *третий большой инверсионный цикл*. Принятие этой гипотезы означает одновременно, что страна вновь осталась в «застывшем» состоянии между традиционной и либеральной суперцивилизациями. Это связано все с тем же глубоким расколом, с существованием множества его форм. Конечно, остается возможность опровержения этого подхода не только новым, более глубоким уровнем теоретического осмысления, но и массовой критикой исторического опыта, возросшей массовой творческой силой, которая бы нащупала иную, более глубокую альтернативу. Анализ этой возможности требует дальнейшего углубления рефлектирующей мысли в реальное содержание динамики исторического процесса.

ГОД 1917 И ГОД 1991

События августа 1991 года и падение государственности СССР означали беспрецедентную победу либерализма. Его катастрофическая гибель после прихода к власти большевиков,

казалось бы, не давала реальных надежд на возрождение. Тем не менее на этапе перестройки он приобрел большое влияние на правящую элиту. Идеал, в котором делается акцент на демократию, народовластие, свободу слова, печати, на свободную экономическую деятельность, был положен в основу формирования новой государственности, социального устройства общества.

Победа либерализма произошла при несомненно более благоприятных политических условиях, чем в феврале 1917 года. *Быть может, самым большим достижением либерализма за всю историю страны была его способность оказать сильное влияние на массовое сознание общества.* Оно освоило лексику либерализма. Либерализм усилил всеобщее убеждение в том, что массовые убийства оборотней зла, как бы они сегодня ни назывались, недопустимы сами по себе, разрушительны для людей, которые пытаются так поступить, а самое главное — не решают никаких проблем. Разумеется, это не было прямым результатом воздействия либеральной прессы, которая наконец вышла к читателю. В основе этой победы либерализма была прежде всего массовая инверсия, массовый отказ от обанкротившейся системы принуждения, насилия и террора, было осознание того, что именно перебитые интеллектуалы, предприниматели, «кулаки», «враги народа» были теми людьми, от которых в первую очередь зависит существование и развитие общества. Стало в общем ясно, что созданное в России общество «низшего класса» является нефункциональным, утопичным. Либералы придали этому осознанно определенную систематичность. Этот поворот был подготовлен гнившими по психушкам и лагерям диссидентами, притаившимися в порах общества хранителями катакомбной культуры, российской эмиграцией, которая в период разорения культуры хранила и культивировала отступившие на задний план ценности.

Если сравнить совершеннейшее озверение, характерное для последнего этапа первого глобального периода, сопряженное с прямыми призывами к убийствам и гражданской войне, то современный переход к новому циклу представляется лишенным важного признака предшествующих катастроф — массовой гибели людей. Достаточно вспомнить не знавшую меры борьбу легальной оппозиции до 1917 года против власти. Например, министр императорского двора В. Б. Фредерикс говорил об оппозиции в первой Государственной думе: «Эти депутаты скорее похожи на стаю преступников, ожидающих сигнала, чтобы зарезать всех сидящих на правительственной скамье»¹. Край-

¹ См.: Наше отечество: Опыт политической истории. М., 1991. Т. 1. С. 235.

ние партии вели преступную террористическую деятельность, постоянно организуя покушения на царя и должностных лиц. Например, П. Столыпин пережил десять покушений. Еще более удручающее впечатление производит вовлеченность в борьбу за революцию представителей части буржуазии. Общеизвестна помощь крайним партиям, включая большевиков, со стороны С. Морозова. Крупные фабриканты П. Рябушинский и А. Коновалов склонялись к «надорганическому режиму» (т. е. к революции)². Сегодня нелишне напомнить, что даже некоторые активные деятели серебряного века сочувствовали террористическим актам революционеров³.

Существуют и более глубокие отличия начала второго периода от начала третьего. Важнейшее из них заключается в том, что в первом случае существовало массовое стремление ликвидировать целые слои населения, которые, по мнению уравнительного большинства, были носителями кривды, эксплуатации, несправедливости. Крестьянство, стремившееся к уравнительности, боролось за уничтожение сословий помещиков, собственников на землю вообще, тех, кто, по их мнению, угрожал уравнительности. Рабочие также были крайне агрессивны настроены против хозяев. Существовал мощный стойкий источник массового насилия.

Во втором случае положение оказалось принципиально иным. Крестьяне, несмотря на все насилие, которое они терпели за время второго периода, в своем подавляющем большинстве не несли в себе реальной альтернативы, за которую они хотели бы вступить в истребительную схватку с силами зла. Скорее, наоборот, преобладало похмелье от насилия, хотя, конечно, можно привести много фактов, которые этому противоречат. Валено, однако, что стремление к насилию не приобрело в России массовую организованную форму, опирающуюся на определенную идеологию, как это было в прошлом.

Принципиальное различие между началом третьего и второго периодов заключается, следовательно, в том, что на этот раз переход не ознаменовался уничтожением элитарной культуры, наиболее квалифицированных, творческих сил общества. Сама ранее немислимая возможность выхода этой книги является иллюстрацией этого различия. Сегодня в России практически нет целей, ради которых массы людей готовы были бы умирать. Основная масса населения не стремилась к значительным социальным переменам, требующим уничтож-

² См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 4. С. 147.

³ Шерер Ю. Религиозные поиски начала XX века// Общественные науки и современность. 1991. № 2. С. 170.

ния каких-то сословий, групп, и в своих стремлениях не шла дальше попыток сменить начальство. Однако стремление увеличить свою долю дефицитных ресурсов может породить серьезные конфликты. И здесь заслуга либерализма оказалась в том, что он открыл возможность более или менее мирной борьбы с начальством, замены «никудышного» начальства на хорошее через выборы. Это придало выборам особый привкус голосования не столько «за», сколько «против» (если не касаться голосования за харизматического вождя). Иначе говоря, либерализм открыл определенную, хотя и весьма ограниченную, отдушину для мирной реакции на дискомфортное состояние. Кроме того, сам идеал, за который можно было бороться, приобрел, в отличие от прошлого, менее ясные социальные черты. В 1917 году этот идеал воплощался в лозунгах «власть советам», «земля крестьянам», «фабрики рабочим». Эти лозунги теперь утратили свой смысл. И хотя вину за утрату этих ценностей можно было возложить на алчное «начальство», все же для миллионов людей оставалось что-то загадочное в том, что эти идеалы каким-то образом испарились.

Разумеется, и в 1991 году существовали силы, которые, используя свободу печати и другие средства, разжигали страсти, пытаясь пустить страну по пути массового взаимного избияния. Разумеется, при определенном росте кризисной ситуации, провале очередных прожектов эта деятельность может иметь успех. Тем не менее если сегодня определенные круги лишь пытаются нагнетать ненависть до опасного уровня, то в 1917 году эта грань была уже пройдена. Инверсионное массовое отпадение от крайнего антилиберализма, крах антилиберального общества толкнули людей к либерализму, к поддержке еще недавно гонимых и презираемых демократов. Еще вчера, как казалось, сторонников академика Сахарова можно было усадить на один диван. Переход к третьему периоду ознаменовал массовое появление последователей академика.

ПОБЕДА ЛИБЕРАЛИЗМА?

Победа либерализма на улицах Москвы в августе 1991 года была вполне очевидна. Речь идет прежде всего не столько о тех, кто собрался вокруг Белого дома. Там были разные люди, объединенные скорее ненавистью к начальству, чем позитивными идеалами. Победа либерализма заключалась уже в том, что он проник изнутри в гигантское воинство, которое оказалось парализованным. Армады танков бессмысленно толклись по улицам Москвы, и казалось, что они больше всего боялись что-то нарушить. Как военная сила они оказались бесполез-

ными. Они совсем не внушали страха, а скорее вызывали сильное раздражение у водителей автомашин, которые объезжали создавшиеся дорожные пробки, прорываясь через тротуары, перерезая колонны танков. Общая атмосфера психологически исключала возможность пустить эти лавины танков и БТР против защитников Белого дома. Ослабление культа насилия в душах людей оказалось главным врагом сторонников смещения Горбачева. Все это бросает яркий свет на характер событий и их место в общей динамике страны. Они, кстати говоря, подтверждают ту мысль, что *в России победа новой власти является результатом не столько организованности и силы заговора победителей, сколько саморазвала проигравшей стороны.*

Либерализм пришел к власти в России в результате не силовой конфронтации, но очередной массовой инверсии, идущей от антилиберального общества к его противоположности. Инверсия, вызревшая в советском периоде, резко повернула от господства антилиберализма к либерализму. В результате исторически сложившийся, но изживший себя порядок развалился сам собой.

Это обстоятельство дает основание рассматривать исходную точку третьего периода, начало нового модифицированного инверсионного цикла, исходя из гипотезы, что общество уже вступило на путь утверждения либеральных ценностей, путь демократии, связанной с рыночными отношениями, с преодолением системы псевдо, монополии на дефицит и т. д. В связи с этим возникает важный теоретический вопрос, имеющий большое практическое значение. Опыт предшествующих периодов показывает, что лежащая в основе каждого глобального периода некоторая исходная социокультурная клеточка всегда оказывалась лишь одним из полюсов, одной из реальных возможностей, которая периодически переходила в свою противоположность. Соборность, с которой начался первый период, была амбивалентна авторитаризму, так же как и советы второго периода. Переход к противоположности в обоих глобальных периодах был настолько силен, что позволил многим специалистам расценивать первый период как вотчинный, как развитие авторитарной государственности, а второй — как тоталитарный. Реальность исторической динамики России включает постоянное переворачивание исходной клеточки, периодическое обращение к ее альтернативе в рамках каждого периода.

Исходной клеточкой в новом периоде является демократически избранный институт, обладающий всей полнотой власти в соответствующем сообществе. Опыт прошлого не-

избежно ставит вопрос о возможности перехода демократического института в свою противоположность, о характере циклов в новом периоде, о возможности и характере альтернатив его динамики. Этот вопрос можно поставить иначе: является ли победа либерализма при переходе к третьему периоду реальным свидетельством субстанциальных сдвигов в воспроизводстве, в массовом менталитете, выхода на уровень гибких новых альтернатив, или речь идет об экстраполяции либерального языка на унаследованный вечевой соборный идеал, о возникновении нового массового мифа, о развитии некоторого двусмысленного гибридного идеала? По сути дела, решение этой задачи и должно дать ответ на вопрос: «В каком обществе мы живем?» — но применительно к новому периоду.

Общество, постоянно ищущее себя, периодически себя находящее и вновь теряющее, следуя сложной системе переходов от одной крайности к другой, все же встало под знамена либерализма. Но это значит, что оно согласно перейти на либеральный язык и следовать либерализму в определенных рамках, не разрушая свои глубинные ценности. Это означает, что общество сделало попытку жить по новым принципам. С этой попыткой в основном согласны все или почти все, все принимают соответствующие новые правила игры и новый язык. Впрочем, это не исключает, но предполагает, что все могут нести на заднем плане сознания иные ценности. *История как бы предоставляет обществу очередной шанс*, в данном случае либеральный, история как бы говорит: «Вот вам новая альтернатива обновления, спасения от разрушительных инверсий». Демон истории предлагает игру в либерализм. Он дает шанс. Воспользуется ли им общество? Поймает ли дьявола на слове? Или вновь потеряет этот шанс в сутолоке жизни из-за лености и частных склок на межах своих огородов?

Совсем недавно диссиденты уже дали урок такой игры. На знаменах общества советского периода были написаны либеральные лозунги свободы, законности и т. д. Некоторые из диссидентов не стали говорить, что это все обман, но пытались жить по этим принципам. И в конце концов они выиграла, — выиграла в том смысле, что поймали демона истории на слове, заставили его по крупицам реально признавать то, что он признавал лишь номинально. Они выиграла, так как общество подхватило эту игру, предоставив либералам политическую власть и согласившись всерьез играть в либеральную игру. Значит ли это, что демон истории проиграл? Само общество должно в своей сложной и повседневной деятельности ответить на этот вопрос. Продолжит ли оно эту игру до превращения ее в реальность своей повседневности или вновь, как гоголевский

герой, воскликнет: «Лучше бы не было того пира»,— вновь отдаваясь дьявольской разрушительной игре инверсий? Сегодня, как и всегда, мы играем ва-банк! Играем всерьез. Даже слишком серьезно, без иронии. Исчез даже не знающий преград анекдот. Однако ему на смену пришли карикатуры. Они подмигивают нам со страниц газет, как бы из другого мира. Однако смертельная игра продолжается.

ЛИБЕРАЛИЗМ ИЛИ СОБОРНОСТЬ?

Либерализм пришел к власти, разоблачая ложь идеологии второго глобального периода. Достаточно вспомнить солженицынское «жить не по лжи». Наблюдения за современной жизнью общества показывают, что суть лжи не сводится к попытке власти, газет и т. д. намеренно на основе каких-то злодейских мотивов ввести в заблуждение народ. Дело в чем-то другом, в том, что *сам язык, на котором мы говорим, сами, казалось бы, очевидные идеи, которые мы защищаем, сами институты, которые мы строим, сами цели, которые мы преследуем, содержат в себе какую-то двусмысленность, свое самоотрицание.* Эту двусмысленность нельзя преодолеть обращением к Правде, содержание которой всегда столь же двусмысленно и абстрактно. Либерализм пришел к власти, сражаясь с упрощенным представлением о лжи как результате злонамеренности и корысти. Но либерализм оказался неподготовленным к тому, что двусмысленность пронизывает нашу жизнь до самых ее метафизических основ и вовсе не готова рассеяться от одного слова Правды. Грозная опасность, которая стоит перед либерализмом у власти, возникла не с той стороны, откуда ее ожидали: не от остатков номенклатуры, а из каждой клеточки нашей жизни. Отсюда опасность того, что решения, принятые на либеральной основе, вновь созданное государство, реформы, включая экономическую, окажутся некоторым образом двусмысленными, т. е. содержащими в себе элемент саморазрушения.

Инверсия, приведшая к новому периоду, породила массовую веру «в наших демократов» (не столько в демократию, сколько именно в демократов). В ответ на эту веру они должны спасти страну, т. е. в некотором смысле совершить чудо, на которое способен лишь тотем. В противном случае общество готово отказать им в доверии, чтобы заменить их кем-либо другим, точно так же как не оправдавший себя божок может быть наказан и заменен другим. Таков реальный менталитет общества, его культурная основа. И сегодняшняя власть, как и предшествующие, опирается именно на эту специфическую

культурную основу, которая является по своей сути долиберальной. Аналогичную ситуацию можно было наблюдать между февралем и октябрём 1917 года. *Существование либеральной власти означает не господство в стране либерального нравственного идеала, но, возможно, господство особого соборно-либерального идеала.* Либерализм имеет в стране слишком слабые культурные почвенные корни. Он может быть господствующим при иной социальной субстанции: в условиях массовой частной инициативы, развитой формы частной собственности, массовой ответственности за большое общество.

Либерализм в России ведет за собой людей, тяготеющих к соборному идеалу, к разным формам утилитаризма, включая и умеренный. Эти слои, порожденные традиционализмом, склоняются к локализму, но нуждаются в языке, лозунгах либерализма для доказательства якобы причастности сил локализма к ценностям большого общества. Им это необходимо для объединения сил в борьбе с властью, с государством, бюрократией, коррупцией, для возвышения до уровня целого. *Либеральные лозунги нужны локализму прежде всего для решения отрицательных задач,* т. е. прежде всего для сокрушения государственности, превращения ее в собственную тень, для перехода монополии на дефицит на нижние уровни. Эти по сути антилиберальные цели свидетельствуют о внутренней расколоте соборно-либерального идеала, о его гибридном характере. На последнем этапе первого периода этот идеал распался на свои ипостаси, вступившие в кровавый конфликт, который выявил *антитрадиционистскую суть либерализма,* в результате чего либерализм, «кадет» (т. е. либерал) стал главной и непосредственной жертвой поднявшейся волны архаики.

Соборные ценности, существующие в рамках соборно-либерального идеала и прикрытые либеральными оболочками, постепенно, не сразу раскрывают свою антилиберальную сущность. Идеи демократии, борьбы против удушьяющего централизма, против бюрократической номенклатуры оказываются на самом деле направленными на борьбу за локализм, стремящийся разбить все формы интеграции страны без соответствующей опоры на культурные интеграторы. Тем самым страна может превратиться в хаотический конгломерат захолустных провинций, каждая из которых лишь стремится захватить ресурсы в границах своего региона, не считаясь с жизненными потребностями соседей. Этот процесс в различных формах продолжается в масштабе не только бывшего СССР, но и собственно России. Локалистские тенденции проявляются то на Дальнем Востоке, то в Калининградской области, то на Урале, то в республиках, входящих в Российскую

Федерацию. Таков же характер возникших в 1991 году идей создать Енисейскую республику вместо Красноярского края, образовать Сибирскую советскую федеративную республику как субъект Российской Федерации, создать Русский автономный округ Енисейской республики⁴. Депутаты всех уровней Иркутской области предложили признать эту область территориально-государственным образованием с расчетом «обрести право принимать собственные законы»⁵. Высказывались предположения, что на территории стран, входивших ранее в СССР, может сформироваться 40-50 различного рода образований государственного типа, между которыми возможно возникновение конфликтов самой разной степени остроты⁶.

Пульсирующий процесс дезинтеграции по своей социокультурной сущности аналогичен процессам, протекавшим при окончании первого периода, когда на территории бывшей Российской империи летом 1918 года существовало по крайней мере 30 «правительств»⁷. На первом этапе первого периода существовало примерно 15 независимых княжеств-земель. Можно подумать, что исторический опыт существует лишь для того, чтобы его игнорировать. Эта сложная реальность, обусловленная исторической слабостью социокультурных интеграторов, создает весьма слабую базу для либерализма, для устойчивого перехода к либеральной цивилизации. Дело несколько не улучшается, а скорее ухудшается тем, что все эти процессы странным образом отождествляются с демократическими, либеральными и т. д.

Локализм разрушает всю структуру государства, систему управления, разгоняет квалифицированные кадры управленцев: «Ликвидация союзных министерств сейчас идет так, что может произойти лишь хаотический „сброс“ людей, профессионально знающих условия хозяйствования... Мы обрекаем себя на паническое формирование уже в недалеком будущем новых государственных структур из новичков... лишаем себя шансов ускорить движение к рынку»⁸. Точно так же, как после падения царской власти, новая система управления оказалась крайне неэффективной. Важнейшая ее особенность — это то, что представительные выборные органы власти стремятся

⁴ Тарасов А. Быть ли Енисейской республике// Известия. 1991. 22 нояб.

⁵ Сбитнев В. Съезд в «Иркутском государстве»// Там же. 18 нояб.

⁶ Основные направления дальнейшего осуществления социально-политических и экономических реформ в России. М., 1992. С. 19.

⁷ Пайнс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917-1918 гг.)// Минувшее: Исторический альманах. М., 1991. Вып. 3. С. 94.

⁸ Храповицкий Д. Союзные министерства: последние дни// Известия. 1991. 14 нояб.

по советскому образцу соединить в себе и законодательные, и исполнительные функции. Беззакония в деятельности местных органов власти стали обычным делом. Нарушаются законы, указы Президента, никто не несет за это ответственности, что порождает эскалацию безответственности. При этом государственная система постоянно теряет свою органическую целостность, так как главные держатели монополии на дефицит смещаются на средние уровни. Имеет место сращивание соответствующих звеньев государственного аппарата и хозяйственных структур там, где это не произошло еще раньше. Хаотичность и неэффективность управления нарастают.

Аппарат Ельцина подготовил интересный документ «О дезинтеграции и срочных мерах по борьбе с сепаратизмом»⁹. Из него видно, что центральное правительство России не столько противостоит локализму, сколько само является важным элементом его нарастания. В документе говорится, что в последние месяцы (имеется в виду конец 1991 — начало 1992 года) резко возросло давление республик, краев и некоторых областей на правительство с целью получения прав по регулированию хозяйственной, внешнеэкономической деятельности, распоряжению государственной собственностью, распределению материальных и денежных ресурсов. Поток обращений возрастает каждую неделю, что превращает правительственный аппарат в механизм по предоставлению льгот отдельным регионам, влечет за собой экономическую дезинтеграцию страны. Авторы документа считают, что возникла серьезная угроза распада экономического пространства на автономные регионы с уникальными режимами хозяйственной деятельности. Вслед за хозяйственной дезинтеграцией неизбежна дезинтеграция государственного регулирования, которая, в свою очередь, приводит к политической дезинтеграции. В записке содержится перечень административных единиц, которым указами президента, решениями правительства предоставлены различные льготы в использовании ресурсов, освобождение от экспортных пошлин. Эта сокрушительная волна локализма повышает в каждом локальном районе возможность коррупции, истощения ресурсов.

Очевидно, что либерализм в условиях развитой либеральной суперцивилизации, как это имеет место на Западе, и либерализм в стране, еще не ставшей либеральной, — различные явления. Российский либерализм нуждается в серьезной перестройке, в преодолении своего абстрактного характера, в отказе от фетишистской веры в волшебный результат воплощения

⁹ См.: Льготы, «выбитые» для регионов, местная администрация неплохо использует для себя// Независимая газета. 1992. 24 марта.

либеральных идеалов любыми средствами. Неорганичное развитие российского либерализма привело к тому, что он подчас заражен все теми же манихейскими представлениями, верой в возможность инверсионного воплощения в жизнь своих идеалов (например, уверенность в возможности легких очевидных решений). Здесь можно проследить далеко идущую аналогию с ленинской идеей мгновенного переворота, программа которого может быть воплощена «одним указом», «одним ударом». Либерализм часто, отражая общий настрой, склоняется к такой точке зрения: «По сути нам действительно придется насаждать реформы в это общество, которое, по всей видимости, их отвергает»¹⁰. В России, к сожалению, это обычный метод проведения реформы. Еще П. Столыпин считал, что не следует «ставить в зависимость от доброй воли крестьян момент ожидаемой реформы: народ темен, и неизвестно, когда он дозреет до понимания ее настоятельной необходимости»¹¹.

В приведенных высказываниях сформулирован важнейший элемент трагедии российского либерализма, выброшенного к вершинам власти. *Российский либерализм оказался и дома, и одновременно неприютным. Либерализм с вершин мирового опыта в этой драматической ситуации пытается делать ставку на меры, которые неприемлемы для большинства населения, что в конечном итоге означает сползание либерализма с его собственных либеральных позиций.* Такая двойственность, внутренняя противоречивость либерализма в условиях господства локальной соборности создает условия для элементов *либерального утопизма*, для веры в воплощение либерального идеала через слово и административное насилие. «Утопия смотрит на нас из каждой журнальной статьи, из каждого газетного заголовка... Это уже не „город солнца" или „страна на Луне", а Запад или Америка... Этот Запад и эта Америка не более реальны, нежели „города солнца" и „сны Веры Павловны"... Новые утопии не менее опасны, чем прежде»¹².

Это переворачивание либерализма в России — результат расколотости общества, существования в нем двух взаиморазрушающих противоположностей — не означает невозможности либерализма в России. Но в этой необычной ситуации либера-

¹⁰ Федоров Н. Остаюсь бороться// Российские вести. 1991. №26, ноябрь. С. 11.

¹¹ См.: Зырянов П. П. Столыпин и судьба русской деревни// Общественные науки и современность. 1991. № 4. С. 124.

¹² Кагарлицкий Б. Отречемся от Томаса Мора?// Столица. 1991. № 29. С. 12-13.

лизм должен быть иным: он должен преодолеть свой абстрактный характер.

Положение либерализма осложняется тем, что он не смог осмыслить значения превалирования в системе управления страной хромающих решений и противопоставить им нечто иное. Власть до сих пор на всех уровнях постоянно захлестывается стихией хромающих решений. Например, в апреле 1992 года планово-бюджетная комиссия Верховного Совета рассматривала проект постановления «О прогрессивном налогообложении прибыли предприятий и организаций торговли и общественного питания в 1992 году», где предусматривалось обложение предприятий, получающих прибыль свыше 3-8%, по ставкам 75—90%. Вместе с тем в выступлении Б. Ельцина в январе говорилось о возможности снижения торговой надбавки примерно до 8%¹³. Очевидно, что все это отрицало сам замысел проводимой в стране экономической реформы. Решение об обложении 60-процентным подоходным налогом доходов иностранцев, живущих и работающих в России, заставит большинство крупных компаний переменить свои планы, так как этот налог большинству окажется не под силу. Правда, американская газета «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» замечает на это, что «пока среди иностранцев в Москве никто не паникует, поскольку в местных обычаях менять законы в последний момент»¹⁴. Эти хромающие решения стали фактором обсуждения с другими государствами. Впрочем, сами эти решения — старая стойкая непрерывная российская традиция. Еще в прошлом веке в делопроизводстве была такая ситуация, что «составлять журналы по каждой бумаге совершенно излишне, потому что то и дело одна бумага отменяет другую»¹⁵.

Итак, действующий в России либерализм носит абстрактный характер, т. е. он недостаточно глубоко и широко прорабатывает социокультурную реальность через принципы либерализма, не проявляет достаточной озабоченности развитием самих принципов либерализма в специфических условиях России. Абстрактность либерализма проявляется сегодня, во-первых, в том, что он оказался недостаточно подготовленным к решению задачи, поставленной необходимостью формирования повседневного воспроизводства государства. В этом сказалась и традиционная оппозиционность большинства либеральной интеллигенции к власти как таковой. Эта оппозиционность выражает не что иное, как превалирова-

¹³ См.: Мельников В. Проект налога на торговлю: мы на горе всем буржуам...// Коммерсанта. 1992. № 17. С. 1.

¹⁴ См.: Российские вести. 1992. № 5. С. 3.

¹⁵ Энгельгардт А. Н. Из деревни. М., 1987. С. 435.

ние в ее сознании освоенных интеллигентским сознанием массовых догосударственных ценностей. Во-вторых, либерализм сегодня не в состоянии осмыслить свое положение как фактора формирования государственности в социальной среде, требующей сложных решений, не сводимых к расхожим ценностям здравого смысла. Иначе говоря, либерализм стоит перед угрозой собственной неспособности найти путь, ведущий к либеральной государственности. В этом — серьезная угроза либерализму, так как борьба за укрепление государственности как неизбежная реакция на ослабление государства может в этих условиях происходить не в рамках диалога разных форм либерализма, а в усиливающейся борьбе против либерализма. В-третьих, важнейший слабый пункт абстрактного либерализма — ограничение поиска выхода из создавшейся ситуации реформой, которая сводится к экономическим преобразованиям. По существу такой редукционизм противоречит принципам либерализма, является попыткой свести его суть к плоскому утилитаризму. Это теоретическое заблуждение само по себе достаточно, чтобы подорвать либеральную власть.

Критическая ситуация, в которой находится пришедший к власти либерализм, — свидетельство отсутствия оснований полагать, что имел место выход страны за рамки промежуточной цивилизации, что реально был осуществлен переход к либеральной суперцивилизации. Это означает, что в обществе пока еще господствует не либеральный, а соборно-либеральный нравственный идеал.

ПОПЫТКИ РЕФОРМ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

Общая вера во всемогущество начальства в стране не находит своего подтверждения в повседневной жизни. Если говорить о хозяйственном развитии, то слишком часто складывается впечатление, что «собака лает, а караван идет»: позитивное влияние правительства на хозяйственное развитие слабее, чем воздействие спонтанных процессов, протекающих в самом хозяйстве. Впрочем, это не относится к негативным разрушительным действиям, которые являются результатом попыток реформировать хозяйство. В этой связи большое значение имеет накопленный исторический опыт реформ в России, который слабо изучен и слабо осмыслен.

Многие задачи, которые сегодня ставят себе реформаторы, в особенности в сельском хозяйстве, уже неоднократно были содержанием проектов реформ, попыток их воплощения. Еще во времена правления царевны Софьи ее приближенный князь В. В. Голицын составил обширную радикальную программу,

сочетающую замену натурального хозяйства денежным с освобождением крестьян с землей. Однако он не мог похвастаться успехами в осуществлении своих замыслов.

В 1766 году обсуждался проект перевода вотчинных крестьян царицы на подворное владение. Екатерина II предполагала отдать землю в вечное владение своим вотчинным крестьянам, прекратить общинные переделы земли. Крестьяне, однако, отнеслись к этим проектам негативно. Тем не менее разработка проектов, направленных на разрушение общины, продолжалась. В 1772 году среди вотчинных крестьян императрицы, имевших основания предполагать, что предстоящее размежевание ставит целью ввести подворное владение, имели место волнения, что помешало внедрению такого рода проектов. Цесаревич Павел, будущий император, в своем Гатчинском имении пытался превратить крестьян в фермеров. Видимо, предполагаемая реформа проводилась в более благоприятных условиях, чем современная. Крестьяне были снабжены всеми необходимыми техническими средствами, была предоставлена ссуда, организовано соответствующее обучение. Однако уже через два года крестьяне просили ввести у них старый порядок. К этому времени они утратили всю новую собственность и не были в состоянии платить ничтожный оброк¹⁶. Очевидно, будущий император, как и современные реформаторы, не учитывал какие-то скрытые параметры, которые мешали и продолжают мешать осуществлению великих замыслов.

А. Герцен писал о подобных попытках: «Бывали помещики, хотевшие ввести европейскую систему раздела земли на участки и частную собственность. Эти покушения исходили большей частью от дворян прибалтийских губерний, но все не удовлетворялись и обыкновенно кончались убийством помещиков или поджогом их замков»¹⁷. Отец М. А. Бакунина также пытался освободить своих крестьян. В 1820 году будущий декабрист, помещик И. Якушкин пытался освободить крестьян и перевести их на аренду, но получил ответ: «Оставайся все по старому: мы ваши, а земля наша». Нельзя не напомнить о реформаторской деятельности министра государственных имуществ при Николае I П. Д. Киселева. Его попытки реформ были достаточно умеренны. Он отказался от проектов, связанных с ликвидацией общины, и пытался преодолеть малоземелье среди государственных крестьян, ввести более совершенную систему фискального обложения, поднять производительные

¹⁶ *Семевский В. И.* Государевы крестьяне в XVIII веке // Русская мысль. 1901. № 1. С. 36-42.

¹⁷ *Герцен А. И.* Сочинения. Т. 6. С. 405.

силы государственной деревни путем агрономических и культурно-бытовых улучшений. Крестьянство ответило на эти реформы волнениями, которые прокатились по 22 губерниям. Государственный секретарь М. А. Корф писал во времена реформ Киселева, что не видно «никакого плода от его (Киселева) операций над казенными крестьянами, сколько они ни поглощают миллионов и как они ни наводняют свою часть морем новых постановлений»¹⁸. Реформы закончились контрреформами, которые проводил новый министр М. Н. Муравьев.

Реформационные попытки высшей власти, касающиеся свободы торгового оборота в стране и открытости внешнего рынка для сбыта сельскохозяйственных продуктов, можно отметить в законодательстве с середины XVIII века. В том же году, когда Екатерина II издает указ о безусловной свободе торговли, орловский губернатор запрещает вывоз хлеба из губернии. Правительство постоянно боролось против местных властей за свободу торговли¹⁹. Подобные хромающие решения постоянно парализовывали попытки реформ.

Вспомним «Барышню-крестьянку» Пушкина, где помещик рассматривал попытки своего соседа перестроить хозяйство на основе английского опыта как пустую трату сил. Эффект от подобных нововведений мог иметь место лишь тогда, когда они вписывались в реальную конструктивную напряженность субъекта воспроизводства, нацеленного на развитие и прогресс, когда каждый результат капиталовложений становился бы стимулом и фактором соответствующей перестройки воспроизводства, развития творчества. Если же у работника преобладает стремление рассматривать всякое новшество как навязанный элемент условий, к которому следует приспособиться на основе сложившихся ценностей, то вложенные средства могут стать лишь фактором издержек. Это камень преткновения, на который постоянно наталкивается модернизация в России.

Самой массовой попыткой страны вырваться из архаики была столыпинская реформа, ответом на которую стала полная победа общинных отношений. Общество с начала XX века хорошо поработало над подавлением отдаленных предпосылок ослабления уравнительности. Например, в результате поджогов в 1907-1913 годах в Смоленской губ. горело по 10-15 зажиточных хозяйств в месяц²⁰. Никакая реформа, которая игнорирует такого рода опыт, не может рассчитывать на успех.

¹⁸ Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева. М., 1958. Т. 2. С. 576-577, 284.

¹⁹ Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России. Л., 1924. С. 106-107.

²⁰ Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива/ Сост. С. Максудов. Кн. 1: 1929. Кулаки и партейцы. Мичиган, 1987. С. 42.

Интересен в этой связи анализ политики различных белых правительств во время гражданской войны. Самарское эсеровское правительство, правительства А. Колчака и А. Деникина пытались проводить политику свободы торговли и сохранения свободных цен. Однако эта политика не позволила им обеспечить элементарное снабжение населения и армий продовольствием²¹, она вступала в противоречие с мощной инверсионной волной локализма и натурализации.

ПОДАВЛЕННЫЙ РЫНОК ИЛИ МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ?

Главная причина реформаторских неудач заключалась в том, что в процессе формирования замысла реформ от внимания реформаторов ускользали определенные пласты реальности, которые при реализации этих замыслов возникали, как риф на пути корабля. Таким грозным рифом был исторически сложившийся менталитет уравнительного обобщинного типа, соответствующий образ жизни подавляющего большинства населения. Эту близорукость унаследовали и современные либеральные реформаторы. Они не учитывали, что либерализм может быть вполне приемлемым лишь как некоторая тенденция в масштабе мировой истории. Идеи реформаторов не могут быть в массовом масштабе реализованы на том отрезке времени, в который пытаются втиснуть реформу. К сожалению, проекты экономической реформы, которые пытаются реализовать реформаторы на первом этапе современного периода, представляют собой яркий образец абстрактности принимаемых решений.

Соображения, толкающие либералов к экономической реформе, достаточно просты и определяются в числе прочего и некоторыми бесспорными истинами. Они заключались прежде всего в констатации полного банкротства советского хозяйственного порядка, основанного, как полагало большинство, на управлении из единого центра. Бесспорной представляется необходимость развития рыночной экономики как единственно способной обеспечить рост и развитие, минимальные потребности общества. Отсюда, казалось бы, простой вывод — необходимость системы мер, направленных на превращение натурального по сути хозяйства в рыночное. Проблема, следовательно, заключалась в том, как это сделать. Игнорирование реформаторами содержания массового сознания, массовых

культурных стереотипов открывает путь для чисто конструктивно-инженерного подхода к реформам, для существования мнения, что реформу можно провести не только в 500 дней, но и в неделю.

Любая программа реформы основывается на определенной хозяйственной концепции. Проект реформы выступает как некоторая определяемая этой концепцией система параметров, на которые, по мнению реформаторов, государство может воздействовать таким образом, чтобы общество было приведено в желательное состояние. Очевидно, что различные концепции приводят к выделению разных показателей. По поводу устройства нашего хозяйства существуют разные точки зрения: «Авторы практически всех без исключения предлагаемых для России программ перехода к рынку исходят из того, что в России в принципе существует экономика в том смысле, какой привыкли вкладывать в это слово на Западе, и проблема, по их мнению, в том, что эта экономика больна. Поэтому фактически целью предлагаемых программ является, как правило, лечение такой больной экономики... В действительности же, по-видимому, правильнее будет говорить о наличии большой „неэкономики"»²². Что же это за «неэкономика»? Выше я пытался обосновать правомерность характеристики хозяйства, сложившегося в России, как монополии на дефицит. Этому подходу противостоит концепция, расценивающая наше хозяйство как экономику в «западном» смысле и лежащая в основе экономической реформы, проводимой на первом этапе третьего периода. С этой точки зрения наше общество по своей сути было и есть рыночное, но в условиях тоталитаризма эта рыночность была искусственно подавлена политическими средствами. Задача реформы, следовательно, — создать все необходимые условия для того, чтобы люди могли вступать друг с другом в разнообразные рыночные отношения. Причем склонность к этим отношениям рассматривается как нечто естественное, как постоянное свойство человека. Для его выявления, пробуждения необходимо устранить административные препоны и создать определенные условия, прежде всего финансовые. Я уже имел возможность анализировать важнейший слабый пункт такого подхода. Массовое стремление людей в России вступать в товарно-денежные отношения является предметом веры, а не знания, и вера эта — результат основного заблуждения русской интеллигенции. Совсем недавно предметом веры были прямо противоположные принципы — безграничный

²² Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. М.; Сан-Франциско, 1992. С. 31.

подъем в коллективах без эксплуататоров на основе энтузиазма и т. п.

Проблема, однако, гораздо глубже. Исторически сложившаяся слабая приверженность к рынку и товарно-денежным отношениям создала в условиях России *совершенно особый тип хозяйства*, который выше назван мною *господством монополии на дефицит*. Вряд ли можно надеяться, что перевод *теории монополии на дефицит* на язык реформы приведет к тому же самому проекту реформ.

Попытка начать экономическую реформу открывает возможность анализа реакции общества на действия реформаторов, что позволит оценить соответствие массовой реакции той или иной концепции. На этой основе можно дать оценку возможным альтернативам нашего развития. Для решения этой проблемы важно рассмотреть *реакцию общества на «либерализацию цен» в свете обеих концепций*, выявить, какая из них способна реально прогнозировать события, привести хаос фактов в некоторую теоретически осмысленную систему, не противостоящую культурному опыту.

С точки зрения концепции подавленного рынка, положенной в основу проводимой правительством реформы, «либерализация цен» должна привести к массовому банкротству в результате того, что повышение издержек производства делает экономическое воспроизводство нерентабельным, невозможным с экономической точки зрения. С позиций же концепции господства в обществе монополии на дефицит значимость ценового аспекта этого процесса отступает на второй план, тогда как на первый план выходит способность предприятия сохранить свою монополию. Этот процесс непосредственно от цен не зависит, но при ухудшении хозяйственной ситуации может послужить даже фактором укрепления этой монополии, т. е. рост цены на товар несет в себе возможность уменьшения его доступности, усиления его монополизации. Так говорят теории. Положение дел недвусмысленно свидетельствует в пользу второй точки зрения. «Сегодня в России неоплаченные поставки товаров и услуг составляют 800 миллиардов рублей. Ни одного банкротства нет. Парадокс?»²³ Да, парадокс, но лишь с точки зрения первой концепции, согласно которой судьба предприятия зависит от экономической окупаемости производства, способности компенсировать свои издержки, сохранять устойчивость на конкурентном рынке, получать прибыль. С позиций второй концепции жизнеспособность предприятия зависит от его способности сохранять монополию на дефицит.

²³ Шохин А. «Наладить экономику можно лишь жесткими методами...»// Российские вести. 1992. № 2. С. 1.

В соответствии с концепцией подавленного рынка, «либерализация цен» должна привести с определенного момента к снижению цен, так как только в этом случае можно будет в процессе конкуренции обеспечить реализацию, увеличение количества продаж. С позиций концепции господства монополии на дефицит, носители этой монополии должны на любое потрясение отвечать стремлением усилить свою монополию, что требует, в частности, дальнейшего накопления натурального дефицита при сравнительной малозначимости самой проблемы цен. Печать сообщает, что предприятия еще в январе-феврале 1992 года, т. е. в самом начале реформы, ответили на новую акцию власти тем, что «бросились накапливать ресурсы, не доверяя „живому рублю"»²⁴. Именно скупкой материальных ресурсов предприятия ответили на реформу. Более того, вся система платежей в результате попыток рыночной реформы оказалась разрушенной, начался кризис неплатежей, т. е. полное нежелание платить поставщикам за продукцию. Предприятия не вступили на зыбкий и неясный для них путь рыночных отношений и сконцентрировали все ресурсы на собирании любого дефицита.

Согласно первой концепции, снятие преграды для торговли, упорядочение финансов открывает путь рынку, т. е. все начнут покупать и продавать и даже производить для того, чтобы продать. Вторая концепция предполагает, что резкое изменение хозяйственных связей (например, в результате краха, полного или частичного, сложившихся форм и связей системы монополии на дефицит) будет побуждать держателей дефицита не столько стремиться к рынку, сколько искать прикрытие, «крышу», некоторую могущественную монополию, некоторого мощного держателя дефицита, который обеспечивал бы стабильный обмен дефицитом, осуществлял защиту в социальной среде. Цитированное выше высказывание А. Шохина ясно показывает, что именно эта тенденция у нас является определяющей. Коренное различие между первой и второй концепциями заключается в том, что первая ожидает от масс стремления к свободному рынку, тогда как вторая — роста монополии из каждой клеточки общества как адекватной формы поведения в социальной среде, где существует раскол между потребностями в росте потребления и потребностями в соответствующих формах труда, воспроизводства.

Особенно ярко стремление к монополии выявилось при самых первых тенденциях отмены госзаказа. «Даже если министерства уменьшали свои госзаказы, нередко предприятия сами

²⁴ Кононенко В. Трехсторонняя комиссия склоняется к идее подчинить Центральный банк правительству// Известия. 1992. 3 июня.

старались увеличить их долю до 100%. При госзаказах предприятие избавлено от хлопот по поискам потребителя его продукции и уверено в том, что государство обеспечит ему поставщиков сырья. Без госзаказа завод сам должен брать на себя риск искать заказчика и договариваться с поставщиками... Большинство руководителей отказалось рисковать»²⁵. Социальное поведение руководителей предприятий показало, таким образом, что они отнюдь не мечтали о том, как бы им освободиться от стоящих над ними держателей монополии на дефицит.

ГЛАВНАЯ ПРЕГРАДА — МОНОПОЛИЯ НА ДЕФИЦИТ

Опасность укрепления монополии на дефицит на еще не появившемся рынке достаточно очевидна. Об этом говорит весь опыт истории России, где, например, купечество всегда добивалось у власти разрешения на торговлю и производство, стремясь одновременно к монополии в своей области, и находило достаточную поддержку. Монополии готовы охватить все новые сферы. Существует, например, угроза монополизации экспортных ресурсов России, сосредоточения основной части дохода от экспорта в руках наиболее развитых структур в результате либерализации внешнеэкономической деятельности²⁶.

Если рыночная концепция рассматривает всю современную хозяйственную деятельность как борьбу рыночных и антирыночных сил (к последним относят главным образом недобитую номенклатуру, мафию и т. п.), то концепция господства монополии на дефицит, не отрицая элементов подобной борьбы, в целом исходит из того, что *главный конфликт, основу интерпретации современной хозяйственной (и не только хозяйственной) ситуации следует искать в борьбе разных форм и уровней монополий на дефицит*. Сегодня налицо сдвиг не от монополии к рынку, а от центральной власти как главного и единственного держателя дефицита к держателям дефицита средних и нижних уровней. Распад СССР привел к переходу этих монополий на уровень республик, а точнее говоря, наоборот, переход монополии на уровень республик привел к распаду СССР. Неуклонно возрастает значимость держателей дефицита среднего уровня: ведомств, регионов, разного рода объединений, а также смещение держателей дефицита на низшие уровни (предприятия, колхозы, мелкие группы посредни-

²⁵ Славинский А. Ельцин указал открыть российскую экономику и закрыть валютную торговлю// Коммерсантъ. 1991. 11—18 нояб.

²⁶ Грешнова И. Советский демпинг на рынке вооружений// Там же. С. 21.

ков и т. д.). Борьба держателей монополии на дефицит является центром социальной жизни и подчиняется определенным законам, циклам, по своему значению далеко выходящим за рамки чисто хозяйственных проблем. Первая концепция даже близко не подходит к объяснению этой борьбы, не только ее общесоциального, но и чисто хозяйственного смысла. Только концепция господства монополии на дефицит в состоянии объяснить мощную натурализацию, архаизацию хозяйства, которую стали стыдливо называть бартером. Это одна из наших традиций называть архаичные феномены новыми для нас иностранными словами. Именно натурализация отношений, выступающая как форма активизации борьбы за укрепление монополии на дефицит, смещение главных держателей дефицита от когда-то всемогущего государства вниз объясняет стремление производителя, например, колхозов, не захватывать рынок, а накапливать у себя готовую продукцию, одновременно сокращая объем производства и упрощая ассортимент выпускаемых товаров.

Экономистами и публицистами все процессы описываются в неадекватных реалиям рыночных категориях, что порождает совершенно искаженную, иллюзорную картину состояния хозяйства. Это относится и к самим проектам реформ.

КАК БЫТЬ С РЫНКОМ?

Видимо, самый болезненный факт, не находящий объяснения при первом подходе, заключается в том, что в результате попыток освободить цены не складывается равновесие между спросом и предложением. Этого не произошло при нэпе, когда идея смычки города и деревни, т. е. экономической связи между сельским хозяйством и промышленностью на основе взаимоприемлемых цен, так и не нашла своего воплощения. Это оказалось невозможным и сегодня при «либерализации цен», когда никак не удается отказаться от бюджетных (т. е. государственных) дотаций.

Опыт нэпа как рыночной формы хозяйства у нас сильно идеализирован. Исследования показывают, что легальный внутренний рынок 1921-1923 годов состоял из обособленных, самостоятельных частей, вследствие чего спрос и предложение на нем были разобщены, т. е. «не было понятия рыночных цен» (А. М. Лежава). Отсутствие единого рынка, неустойчивая конъюнктура и малая емкость обособленных частей хозяйства затрудняли создание достаточных стимулов к развитию производства и повышению его товарности. Слабый товарооборот не мог способствовать снижению товарного голода и выравнива-

нию динамики цен, т. е. формированию устойчивых рыночных цен²⁷. Хозяйственная ситуация свидетельствовала о том, что отсутствие условий для развития рынка не могло быть результатом определенных политических событий недавнего прошлого, но имело глубокие корни, устранение причин этой ситуации выходило за рамки возможностей быстро исправить положение политическими и административными средствами. Исторически не сложился на рыночной основе баланс между топливно-энергетической промышленностью и остальными отраслями, между сельским хозяйством и промышленностью. Промышленность возникла и развивалась на дорыночной крепостнической основе, как зависимая от государства, задолго до введения «директивного планирования». Сельское хозяйство покупало технику и удобрения по заниженным ценам и получало дотацию на продаваемую продукцию. *В этой ситуации теоретически немыслима цена равновесия. Любая мыслимая цена либо не устраивает производителя, так как не позволяет покрыть издержки производства, либо не устраивает потребителя, как несоразмерная с его доходами.*

Нынешняя ситуация сходна со временем нэпа. Например, в Тюмени на складах скопилось огромное количество мясopодуKтов с очень высокими ценами. Это при том, что объем производства уже был уменьшен в два раза. Попытались снизить цены на 15%. Могут снизить еще на 15%, но это тоже не даст результата. Больше уже снижать невозможно, иначе производство станет убыточным. Другой не менее яркий пример. Потребление молока за год снизилось в Туле с 500 до 180 грамм на человека. Причина в том, что «потребитель не может покупать, а производитель — производить». Проблема в том, что, с одной стороны, нынешние цены на молоко — 6-9 руб., сметану — 40 руб., масло — 220 руб. — «неприемлемы для рабочих». Но, с другой стороны, закупочные цены 6,5 руб., а также еще дотация 2,3 руб. за литр молока убыточны. Общий рост цен на энергоносители, технику, стройматериалы, комбикорма сводят на нет и повышение закупочных цен, и дотацию. Все это приводит к снижению производства на молокозаводах. Цены, очевидно, по крайней мере в этом регионе, достигли критической величины, когда «спрос на молоко падает с каждым витком цен». Это приводит к снижению качества продукции, к стремлению молокозавода работать на склады, которые забиваются маслом и сухим молоком, к снижению потребления сметаны и сливок в 6 раз, мясopодуKтов — на 11%, сахара — на 14%, фруктов — на 25%. Стали больше есть лишь

²⁷ См.: Крюкова С. Опыт становления рынка в период нэпа// Вопросы экономики. 1991. № 2. С. 145-146.

хлеба и картошки. В результате — не только простаивание мощностей перерабатывающей промышленности, но и «катастрофическое сокращение поголовья скота и птицы в колхозах и совхозах»²⁸. Возникает и нехватка продукции, и ее затоваривание. Например, из выработанных в январе — мае 1992 года товаров народного потребления на 1 241 млрд. руб. товары на 215 млрд. остались в запасах розничной сети из-за неприемлемых для покупателей цен, что составляло 18,5%²⁹. Практически это означает, что общество не в состоянии установить взаимоприемлемые цены, т. е. установить хозяйственные связи, отношения производителя и потребителя на экономической основе, потому что в условиях господства монополии на дефицит отсутствует механизм перелива капитала в более прибыльные сферы. *Экономически нерентабельные предприятия не могут быть ликвидированы не только по социальным причинам, но и потому, что в условиях монополии на дефицит они по-прежнему могут выпускать жизненно важную для общества дефицитную продукцию.*

Обнажаются все несообразности в сфере издержек производства, которые раньше прикрывались различными типами принудительной государственной перекачки ресурсов. Способ проведения реформы грозит не только социальными потрясениями, затрагивающими каждую клеточку общества, но и полной неспособностью упорядочить этот хозяйственный хаос при расчете на стихийные силы. Налицо катастрофическая реальная нерентабельность производства. «Добавленная стоимость (чистая продукция) в большинстве отраслей советской промышленности и сельского хозяйства является отрицательной»³⁰. В этой ситуации трудно себе представить систему устойчивых сбалансированных цен, зато вероятно постоянная гонка цен и доходов, где любое изменение дезорганизует отношение между разными отраслями и группами населения. На пути рыночных отношений стоит также невероятно низкий удельный вес потребления в национальном доходе, что делает потребителя с его доходом величиной весьма незначительной, даже в некотором смысле аномальной в системе хозяйственных отношений.

Анализ показывает, что вместо возникновения в результате «либерализации цен» всеобщей связи *на первый план выходят естественные природные различия в непосредственной фор-*

²⁸ Пушкарь А. Пить молоко стало слишком дорого, производить — невыгодно// Известия. 1992. 17 июня. С. 2.

²⁹ Рытое Ю. «Экватор» года позади. Однако до «экватора» реформ еще очень далеко// Российские вести. 1992. 4 июля.

³⁰ Реформа без шока: Выбор социально приемлемых решений. С. 55.

ме, обнажаются дорыночные формы хозяйства, которые можно с определенной долей условности рассматривать как «естественные». Тем самым *создается новый импульс для локализма, распада*. «Либерализация цен» ставит в неоправданно выгодное положение регионы, обладающие запасами дефицитных природных ресурсов. В результате «экономика России неизбежно окажется разорванной на части». Возрастает значимость такого критерия, как время отдачи вложений. В связи с этим в худшее положение попадают «строительство, энергетика, металлургический комплекс, транспорт, фундаментальная наука, а также отрасли, где влияние удорожания сырья на затраты производства особенно велико»³¹. Теряется интерес к техническому прогрессу. Иначе говоря, реформа, как она выступала до сих пор, не только не переструктурирует хозяйство на рыночной основе, но подчиняет хозяйственные отношения структуре сложившегося дефицита, который определяется и чисто естественным фактором, и стремлением реализовать монополию наиболее простым и быстрым образом. Это ведет к упрощению, к попыткам использовать конъюнктуру без учета перспектив. Следовательно, изменения идут не в направлении экономически оправданных структурных сдвигов, но в противоположную сторону.

ЭЛИТАРНЫЙ РЫНОК

Повышение цен долгое время поразительным образом не влияло на спрос, что не находит своего объяснения в концепции подавленного рынка. «Все проводившиеся реформы оптовых цен в нашей стране мало влияли на экономические процессы и не оправдали ожидания их создателей, ибо они устанавливали некоторое подобие равновесия спроса и предложения весьма приблизительно и на короткий срок»³². Поэтому можно не удивляться тому, что после отпуска цен ни на один товар не установилась цена спроса-предложения³³. Академик С. Шаталин как-то не то в шутку, не то всерьез сказал, что цены будут зависеть от спроса, лишь если их увеличить в 1 000 раз, подчеркнув тем самым удивительную независимость спроса от цен. С позиций концепции монополии на дефицит это явление находит свое адекватное объяснение, поскольку

³¹ См.: Шпрыгин В. «Прыжок» в рынок// Российские вести. 1992. 11 мая.

³² Логинов В. Особенности перехода к рынку в СССР// Вопросы экономики. 1991. № 5. С. 14.

³³ См.: Демченко И. Наша промышленность благополучно движется к натуральному обмену// Известия. 1992. 6 янв.

изменение цены — второстепенный фактор хозяйственной жизни.

«Либерализация цен» приводит к их фантастическому взлету и тогда, когда спрос начинает уменьшаться. С определенного уровня подъема цен потребитель уже не может взять барьер и оттесняется из сферы потребления. Зажатые элементы рынка, которые всегда существуют даже в условиях господства монополии на дефицит, циклически могут то расширяться, то резко сужаться, оказываясь под угрозой полной ликвидации. «Либерализация цен» в такой ситуации может оказать на эти элементы рынка противоречивое воздействие. Она действительно активизирует рынок. Но этот рынок имеет свои особенности. Он душит потребителя, разрушая сложившийся порядок, обеспечивавший раньше каждому свою пайку. *Развитие рынка, когда огромная масса потребителей оказывается за бортом потребления или вынуждена кардинально его сократить, приобретает форму элитарного рынка, где акты купли на многие жизненно важные товары может совершать лишь существенно ограниченная часть потребителей.* А. Нечаев по этому поводу очень дипломатично выразился, сказав, что либерализация цен привела к улучшению положения на потребительском рынке, но «это связано с искусственным отсечением части потребителей»³⁴. Но ведь эта «часть потребителей» составляет миллионы людей.

Цены, которые складываются на элитарном рынке в коммерческой торговле, «нельзя считать ценами свободного рынка. Они приемлемы для очень узкого круга потребителей, а по некоторым категориям только для одного процента покупателей, среди которых и иностранцы», — пишет глава представительства Комиссии европейских сообществ в Москве Майкл Эмерсон³⁵. Резкая дифференциация доходов, связанная, в частности, с тем, что некоторые группы работников в результате забастовок выбивают себе по современным масштабам чудовищно большую зарплату, означает, что в ответ на это немедленно формируется элитарный рынок, который и близко не допускает к себе остальных потребителей. Например, резкое увеличение заработной платы горняков Донбасса до 10-12 и даже 30 тыс. руб. в месяц при средней зарплате в Донбассе менее 1,7 тыс. руб. вызвало резкое подорожание товаров и оттеснило от потребления тех, кто не входит в эту элитарную

³⁴ См.: Нарзикулов Р. Можно сменить правительство, но нельзя сменить проблемы: Министр экономики России Андрей Нечаев полон оптимизма// Независимая газета. 1992. 9 апр. С. 4.

³⁵ См.: Сычев А. Нынешний обменный курс рубля// Известия. 1992. 25 апр. С. 5.

группу³⁶. В условиях господства монополии на дефицит при слабом государстве определенные социальные группы получают возможность бесконтрольно увеличивать свой групповой и личный доход, стимулируя тем самым элитарный рынок. Например, средняя зарплата в Башкирии составляет 2 200 руб. в месяц, тогда как директора концернов, комбинатов и т. п. устанавливают сами себе оклады более чем в 120 тыс. руб.³⁷

Элитарный рынок возникает и в аграрных обществах как некоторая «точка роста», которая затем может стимулировать распространение рынка на все общество. Необычно другое. Все, кто раньше не удостоивался чести пользоваться элитарным рынком, не очень страдали от этого, так как жили своим натуральным хозяйством. Так, собственно, было и в России. Положение изменилось тогда, когда миллионы людей оказались оторванными от натурального хозяйства и стали зависеть от государственной пайки, которая теперь должна доставляться им не через государственное распределение, а посредством рыночного механизма. Для этого необходимо массовое производство, зависящее от рынка. Но это, в свою очередь, возможно лишь в результате медленной перестройки производства через его втягивание в рынок при одновременном сбалировании этого процесса, при его обеспечении отрывом широких масс людей от натурального хозяйства. В расколотом обществе мы сначала произвели этот отрыв от естественной базы потребления, а теперь, вися в воздухе, пытаемся восстановить то ли хозяйства первобытных земледельцев, то ли самые передовые в мире очаги производства.

Выявилась явная закономерность нашего элитарного рынка: цены на нем двигаются за элитарной группой, за группой, которая повысила свой доход, оттесняя всех иных, что влечет за собой, несомненно, важные социальные последствия. Экономическая теория для российского хозяйства, если бы кто-нибудь пытался ее создать, без сомнения, должна была бы обратить внимание на то, что потенциальный и вроде бы безграничный рост цен в условиях господства монополии на дефицит при отсутствии государственного, общественного механизма их контроля все-таки имеет верхнюю границу. Эта теория должна учитывать такой мощный для страны фактор, как постоянное стремление власти, различных организаций поддерживать прежде всего массовыми выплатами ту часть населения, которая вытесняется с рынка. Фактически речь идет о конфликте двух противоположных дезорганизующих друг друга процес-

³⁶ Лисовский. Н. Противников рынка в Донбассе стало больше// Известия. 1992. 4 апр.

³⁷ Растет жизненный уровень директоров// Там же. 6 июня.

сов: монополизации дефицита и приспособления к нему элитарного рынка, с одной стороны, и борьбы общества за расширение участия в потреблении дефицита, за расширение участия в элитарном рынке, поскольку таковой существует, с другой стороны. Эта форма раскола придает обществу неустойчивый характер, повышает возможность резких разрушительных инверсионных поворотов.

АНТИРЫНОЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ

Важнейшее различие между двумя концепциями и, следовательно, между возможными программами реформ приводит к принципиальным различиям в направленности поисков путей наращивания ресурсов. Рыночная концепция исходит из того, что развитие конкуренции приводит к росту ресурсов за счет повышения предпринимательской активности, за счет необходимости победы в конкурентной борьбе. Процесс этот может быть медленным, т. е. сама скорость должна быть оценена и учтена реформаторами. Сама по себе система монополии на дефицит не содержит в себе потенциальных возможностей существенного повышения эффективности производства, роста общественного богатства путем интенсификации. Более того, переход монополии на дефицит сверху вниз приводит к снижению производства, к уменьшению богатства. Это объясняется двумя разнородными причинами. Во-первых, усиление монополии на дефицит возможно при уменьшении количества и разнообразия дефицита, находящегося в руках того или иного сообщества. Во-вторых, переход господствующих форм монополии на дефицит сверху вниз позволяет уменьшить производство, так как фактически частично или полностью освобождает сообщества от необходимости воспроизводить общество в целом, государство. Реформаторы, которые ощущали эту особенность исторически сложившегося порядка, пытались разрешить проблемы за счет притока ресурсов извне или за счет беспощадного выжимания ресурсов из того или иного внутреннего источника. Это могло делаться за счет чрезмерного экспорта, что позволяло, например, увеличить ввоз техники, как это имело место, например, с начала застойного этапа или еще до 1917 года, когда две трети технологического оборудования ввозилось из-за рубежа. Разумеется, при недостаточном внутреннем творческом потенциале эти методы также не дают эффекта. Подобные попытки сделать ставку на завод оборудования периодически имели место, в том числе и в начале перестройки.

Противостояние двух описанных выше подходов может, конечно, рассматриваться на чисто экономической основе (например, в процессе анализа самой экономической возможности существования рынка при несколько странной ситуации с производством чистого продукта и не менее странной для рынка патологической структуре национального дохода). Однако главный спор лежит в сфере мотивов массового поведения. Коренное различие между двумя подходами заключается именно в понимании мотивов, лежащих в основе реального поведения людей. Общеизвестно, что ученый-экономист «просто воспроизводит рациональные представления предпринимателей, участвующих в бизнесе с целью максимизации своих прибылей, и описывает реакции потребителей...»³⁸. Эта предпосылка не доказывается в теории, а является ее исходным пунктом. Подобный подход естествен для стран либеральной цивилизации, но представляется совершенно необоснованным для страны, где из каждой клеточки растет стремление к монополизму. Кроме того, вряд ли обоснованно сводить жизненно важные реформы к экономическому аспекту.

Неадекватность теоретических предпосылок принятого в стране типа реформы реальному функционированию общества грозит серьезными последствиями. Попытки убедить общество, что этот вариант реформы не имеет альтернативы, нельзя принимать всерьез. Это — дань инверсионной логике. Проблема лишь в том, какая из мыслимых альтернатив имеет шансы на успех. Явная нефункциональность попыток перевода сразу всего архаичного хозяйства на рельсы рыночных отношений неизбежно становится фактором в борьбе различных держателей монополий.

В борьбу за свой проект реформы уже вполне очевидно вступают различные группы монополий, в первую очередь наиболее мощные из них. Это промышленные монополии, в которых заняты громадные массы людей, стремящихся к стабильности. Эти люди в ситуации катастрофического ослабления государства как источника дотаций, как гаранта и покупателя значительной части продукции не уверены в способности сохранить промышленное производство, гигантскую индустрию, все достигнутое в процессе индустриализации. Они страшатся того, что в результате краха хозяйственного порядка значительная часть производимой ими продукции потеряет свой дефицитный характер. В этих кругах возник проект реформы, защищающий систему монополии на дефицит. Его цель — прежде всего сохранить сильные позиции государства

³⁸ Леонтьев В. Экономические эссе. М., 1990. С. 101.

в экономике, государственную собственность на крупные предприятия и государственные дотации им. По этому проекту предполагается остановить рост цен на горючее и смазочные материалы (т. е. в тех сферах производства, которые в результате искусственно заниженных цен осуществляют скрытую дотацию промышленного производства) и провести приватизацию, в результате которой государству будет принадлежать 100% акций. Продажа акций может быть произведена лишь тогда, когда предприятие станет рентабельным³⁹, чего нет оснований ожидать.

Печать справедливо отметила, что такие прожекты весьма сходны «с моделями восточно-азиатских стран», проникнуты ностальгией по более авторитарному и закрытому режиму в экономическом, а следовательно, и политическом плане⁴⁰. Другой отклик в газете: «Экономика „отрицательной производительности“, поглощающая больше, чем производит, не захотела мириться с рынком. Смею заметить, что этот „накопленный потенциал“ вообще не производство — это откровенно паразитическое потребление невозполнимых материальных и человеческих ресурсов»⁴¹.

Эта программа практически не в состоянии решить хозяйственные проблемы, прежде всего ослабить удручающее влияние на общество беспредела в росте издержек производства; она обострит борьбу с аграрными монополиями за перераспределение ресурсов как раз в то время, когда они начали новый раунд борьбы за перекачку инвестиций в свою пользу. Налицо очередной акт хромящих решений реформаторов, когда задача финансовой стабилизации, сбалансированности бюджета как предпосылки рынка уплывает вдаль.

Все проекты промышленных монополистов могут оказаться в какой-то момент отодвинуты под давлением лобби аграрных монополий, которые меньше представлены в политической жизни, но обладают главным дефицитом. Их постоянные требования о повышении закупочных цен суть не что иное, как инверсионная попытка локальных сельских миров, освободившихся от политического давления, взять реванш за систему насильственного перераспределения ресурсов в пользу государства.

То, что получается вместо рынка, есть лишь открытый полигон, ристалище для смертельной схватки монополий разного

³⁹ Лукьянченко П. Пора делить деньги. «Я — за команду»// Аргументы и факты. 1992. № 21. С. 5.

⁴⁰ Вишневский Н. Обновляемся?// Российский вестник. 1992. 9 июня.

⁴¹ Леонтьев М. Стабилизация производства на трупе финансовой системы: Альтернативная программа «Гражданского союза»// Известия. 1992. 23 июля.

типа в условиях превышения потребностей в ресурсах над способностью их воспроизводить.

* * *

Спор между двумя подходами, вообще говоря, сам по себе при его анализе не только показывает тупиковость определенных путей выхода из кризисной ситуации, но и позволяет нащупать возможные направления реформ. Если инверсионный поворот к рынку столь же бесперспективен, сколь и попытка существенно увеличить ресурсы общества, опираясь на систему монополии на дефицит, то, следовательно, выход следует искать не на путях инверсионной конфронтации между ними, но на путях перехода. Его следует искать в переходе, возможно, длительном, от патологической системы монополии на дефицит к возрастанию низовой экономической инициативы, на путях поиска переходных форм от монополии на дефицит к рынку.

При этом, однако, должен быть ряд факторов, существование которых очевидно, но узость эмпирической базы не позволяет качественно взвесить их значимость. Это прежде всего логически очевидное столкновение стремлений монополий на дефицит усиливать свою монополию через повышение цен с неизбежной ограниченностью платежеспособного спроса. Этот конфликт углубляется традицией безразличия к издержкам. Если общество не впадет катастрофическим образом в полную архаизацию с принудительным распределением натуральных ресурсов, то возможно, что эта проблема будет выходить на передний план. Во-вторых, возможно вращение части хозяйства в мировой рынок. Хотя это может происходить при неблагоприятных условиях и ограниченными видами производств, сырьем и, возможно, оружием, тем не менее это может позволить нейтрализовать некоторые катастрофические хозяйственные диспропорции, прежде всего нехватку продовольствия, ширпотреба. Это позволит выиграть время и изменить структуру монополий. И в-третьих (возможно, это главный фактор), неясен хозяйственный и политический потенциал предпринимательства в стране, его способность переломить ситуацию.